М.В. Лялин

ПЕПЕЛ СТАРОГО РОДА

АУДИТОР МАГИИ

ТОМ 1

Михаил Лялин

Пепел старого рода. Аудитор магии

«Автор»
2026

Лялин М. В.

Пепел старого рода. Аудитор магии / М. В. Лялин — «Автор», 2026

Он очнулся за столом нотариуса, где его заставляли подписать отказ от родовой шахты. В прошлой жизни он был аудитором и двадцать лет ловил воров на цифрах. В этом мире магия — это валюта, родовые Алтари работают как электростанции, а соседи пятнадцать лет тайно выкачивали силу его рода. У него нет боевых заклинаний. Зато он умеет читать договоры, считать и находить дыры там, где другие видят только мощь.

© Лялин М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пепел старого рода. Том 1 5
Введение 6
Глава 1. Пункт одиннадцатый 7
Глава 2. Не сходится 12
Глава 3. Обратная тяга 17
Глава 4. Счёт за утилизацию 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Пепел старого рода. Аудитор магии

Пепел старого рода. Том 1

Введение

Сила без закона — это разбой. Закон без силы — это бумага.
Из наставлений Всеволода Горностаева внуку

В империи этого мира магию не просят у богов и не находят в древних свитках. Её меряют, продают и записывают в книги учёта.

Магия здесь называется эфиром. Она поднимается из глубинных жил земли, и там, где жила выходит ближе всего к поверхности, стоит родовой Алтарь — чёрный камень, на котором держится сила дворянского рода. Алтарь работает как электростанция. У него есть выход в сутки, есть КПД, есть контур с накопителями, в которые уходит излишек. Эфир измеряют в мерах. Казна покупает его у родов по твёрдой цене: один золотой за сто мер. Купцы продают его в заряженных накопителях тем, у кого своего Алтаря нет. Каждое заклинание стоит денег, каждый боевой щит — расход, каждая дуэль — сделка, в которой кто-то тратит больше, чем может себе позволить.

Всё как в любой экономике. А где есть экономика, там есть и воровство.

Дворяне этого мира привыкли решать споры огнём и клинком. Аристократ, у которого сильнее Алтарь и выше ступень, всегда прав. Слабые роды гаснут. Их земли забирают соседи, долги выкупают гильдии, а последних наследников вежливо просят подписать бумаги у нотариуса.

Никто здесь не умеет читать отчётность. Никто не сверяет приход с расходом. Никто не спрашивает, почему у соседа со слабеньким Алтарём фонтан в саду работает круглый год.

До тех пор, пока за стол нотариуса не садится человек, который двадцать лет зарабатывал на жизнь именно этим.

Это история о мальчишке без силы и без денег, у которого есть только тридцать дней, забытый закон и привычка считать. И о том, что в мире, где магия — это валюта, самое опасное оружие — не огненный шар.

А аудиторская проверка.

Глава 1. Пункт одиннадцатый

Первым вернулся запах. Сургуч, дешёвый табак и пот — чужой, кислый, совсем рядом.

Потом боль. Кто-то держал его за загривок и вдавливал лицом в столешницу, так что щека расплющилась о холодное сукно. Перед глазами расплывалась бумага, исписанная ровным писарским почерком.

— Подписывай, щенок, — прогудело над ухом. — Перо в руке. Буквы ты знаешь. Чего ещё надо?

Павел Андреевич Северцев, сорок два года, партнёр аудиторской компании, последние три недели спавший по четыре часа в сутки из-за годового отчёта крупного холдинга, точно помнил, где находился минуту назад. В переговорной на двадцать третьем этаже, в три часа ночи, над расшифровкой дебиторской задолженности. Помнил, как сдавило грудь. Как он ещё успел подумать, что сноска к пятому разделу так и осталась неисправленной.

Переговорная не пахла сургучом.

И голос над ухом не принадлежал никому из его команды.

А затем на него рухнуло второе прошлое. Не воспоминание даже — обвал. Чужое детство в большом холодном доме. Дед с жёсткими усами, который учил читать по сводам законов вместо сказок. Похороны матери и отца, когда ему было девять. Гимназия, из которой пришлось уйти, потому что платить стало нечем. И сорок дней назад — ещё одни похороны. Дед, Всеволод Горностаев, глава рода, лежал в гробу маленький и восковой, а за гробом шли трое: внук, старый слуга Ерофей и бродячая собака, прибившаяся по дороге.

Илья Горностаев. Девятнадцать лет. Последний в крови.

«Прекрасно, — с каким-то отстранённым спокойствием отметил Павел. — Инфаркт, переселение душ и вымогательство. Хорошо хоть не налоговая проверка».

Он медленно выдохнул. Паника — это роскошь, которую позволяют себе люди без дедлайна. А у него, судя по руке на загривке, дедлайн наступал прямо сейчас.

— Отпусти, — сказал он. Голос был молодой, чуть ломкий, чужой. — Я не могу читать, когда меня мордой возят по столу.

— Читать? — над ухом хохотнули. — Ты слыхал, Фрол Игнатьич? Барчук читать собрался.

— Отпусти его, Кривошеев, — раздался сухой голос откуда-то сбоку. — Пусть читает. Всё по закону. Всё должно быть по закону.

Хватка ослабла. Илья — теперь, видимо, придётся привыкать к этому имени — выпрямился и огляделся.

Нотариальная контора уездного города Верхнеясенска. Комната с низким потолком, шкафы с папками до самого верха, засиженный мухами портрет государя императора на стене. Под портретом, в бронзовой раме, — имперская печать: круглая пластина с гербом, по краю которой медленно, едва заметно, бежало голубоватое свечение. Эфир. Из памяти Ильи всплыло: такая печать висит в каждой нотариальной конторе империи, и именно она придаёт подписанным здесь бумагам силу. Договор, заверенный под печатью, нельзя просто оспорить. Его можно только исполнить.

За столом напротив сидел нотариус — Фрол Игнатьевич Мизгирёв, длинный, бледный, с жидкими бакенбардами и глазами, которые никак не могли остановиться на чём-то одном. Справа у окна в кресле развалился полный господин в отличном сюртуке, с перстнем на мизинце. Лисицын, управляющий барона Кручинина. Илья знал его — тот приезжал к деду трижды в последний год, и каждый раз после его отъезда дед долго сидел в кабинете, не зажигая свечей.

А за спиной стоял Кривошеев. Огромный, с переломанным носом, в кожаной куртке с нашитыми стальными пластинами. На поясе — короткий жезл с тусклым камнем в навершии. Боевой артефакт. Дешёвый, армейский, но для того, чтобы сжечь безоружного мальчишку, его хватило бы с запасом.

— Итак, — Лисицын благодушно сложил руки на животе. — Илья Всеволодович, мы ведь всё уже обсудили. Шахта «Глухая» выработана ещё при вашем прадеде. Это дыра в земле, которая приносит вам только налоги. Мой господин, барон Гордей Кручинин, из одного лишь уважения к памяти вашего деда готов избавить вас от этого бремени. Двести золотых. Сумма для вас сейчас совсем не лишняя, не так ли?

Двести золотых. Память Ильи услужливо подсказала: на эти деньги в уезде можно было полгода жить скромно. Или год — очень скромно.

Илья взял договор.

Это было почти смешно. Тело дрожало — Илья не ел со вчерашнего дня и, судя по ощущениям, получил по рёбрам ещё до того, как Павел очнулся. Зато руки, взявшие бумагу, вдруг стали спокойными. Это было знакомое движение. Двадцать лет он брал в руки документы, которые составляли люди, очень не желавшие, чтобы их читали внимательно.

Договор купли-продажи. Шестнадцать пунктов. Красивый язык, обстоятельный.

Пункт первый — предмет договора. Пункт второй — цена. Пункт третий, четвёртый, пятый — стандартная чепуха о передаче владения. Илья пробегал их глазами, не останавливаясь. Главное в таких бумагах никогда не пишут в начале.

Он дошёл до конца, перевернул лист и посмотрел на квитанцию, приколотую снизу.

«Нотариальная пошлина за удостоверение сделки — две сотых части от оценочной стоимости имущества. Итого к уплате покупателем: триста шестьдесят золотых».

Илья поднял глаза на нотариуса.

— Фрол Игнатьевич, вы ведь мне не откажете в маленькой арифметике? Две сотых от двухсот золотых — это четыре золотых. А тут — триста шестьдесят. Значит, оценочная стоимость, от которой вы считали пошлину, — восемнадцать тысяч.

В комнате стало очень тихо. Слышно было, как на портрете государя бьётся о стекло муха.

— Пошлина исчисляется от кадастровой оценки, — проговорил нотариус чуть быстрее, чем следовало. — Это формальность. Кадастровые оценки в нашем уезде… не всегда соответствуют…

— Конечно, — кивнул Илья. — Просто удивительно. Покупатель готов заплатить казне в почти два раза больше, чем продавцу. Это очень щедро для дыры в земле.

Лисицын перестал улыбаться. Совсем немного — уголки губ опустились на толщину волоса. Но Павел Северцев два десятка лет сидел на совещаниях с финансовыми директорами и знал, как выглядит лицо человека, у которого в отчётности нашли то, чего там быть не должно.

Илья вернулся к тексту, теперь уже медленно.

Пункт девятый. «К покупателю переходят также все подземные эфирные жилы, сопряжённые с участком шахты, на всём их протяжении».

На всём их протяжении. Не в границах участка — на всём протяжении. Шахта «Глухая» лежала в версте от родового поместья Горностаевых. Если жилы, сопряжённые с ней, тянулись под поместьем, то после подписания владельцем того, что под землёй, становился барон. А под поместьем, в подвале старой башни, стоял родовой Алтарь.

Пункт одиннадцатый. «Продавец в полном объёме принимает на себя обязательства по погашению задолженности, связанной с эксплуатацией шахты, перед Верхнеясенской купеческой гильдией, согласно приложению».

Илья отлистал до приложения. Двадцать шесть тысяч четыреста золотых. Долг деда по горным работам, о котором Илья, настоящий Илья, ничего не знал.

Это была красивая схема. Павел оценил её почти профессионально. Шахту забирают — вместе с тем, что под домом. Долг остаётся тебе. Двести золотых ты тратишь за полгода, а потом гильдия приходит за остальным — и забирает уже поместье, землю, титул. Всё по закону. Всё под имперской печатью.

— Я вижу, вы задержались на одиннадцатом пункте, — мягко сказал Лисицын. — Не стоит волноваться. Это обычная оговорка. Покупатель не может отвечать за долги, о которых не знал.

— Разумеется, — согласился Илья. — Зато продавец, видимо, может отвечать за долги, о которых не знал.

— Хватит, — Кривошеев положил ладонь ему на плечо. Пальцы были как железные скобы. — Хватит болтать. Барон ждёт бумагу к вечеру.

Лисицын вздохнул, будто сожалея о чём-то неизбежном.

— Илья Всеволодович. Я человек мирный. Но Кривошеев — человек барона, а не мой. И он очень не любит ждать. Подумайте о том, что вы последний в роду. Будет очень жаль, если род Горностаевых закончится сегодня из-за… несчастного случая. В уезде ведь неспокойно.

Пальцы на плече сжались сильнее. Где-то хрустнуло — пока ещё не кость, но близко.

Павел думал.

Драться — бессмысленно. Тело слабое, голодное, а у Кривошеева боевой жезл и тридцать килограммов лишнего веса. Бежать — некуда. Подписать — значит умереть чуть позже, медленно, с бумагами в руках. Не подписать — умереть сейчас.

Значит, нужен третий вариант. Его всегда можно найти, если внимательно читать.

И память Ильи вдруг подсунула картинку. Дедов кабинет. Зима. Мальчишка десяти лет сидит за огромным столом и, шевеля губами, переписывает в тетрадь старинный текст, а дед ходит за спиной и бубнит:

«Статут о родовом карантине, от лета тысяча семьсот двенадцатого. Учи, Илюша. Учи наизусть. Когда-нибудь он может спасти тебе жизнь».

«Деда, а кто его сейчас помнит?»

«Никто. В том-то и прелесть».

Текст поднялся из глубины памяти целиком, слово в слово, как стихотворение, вызубренное в детстве. Павел прочитал его про себя — и едва удержал улыбку.

Дед. Старый сухой упрямец, который всю жизнь учил внука законам, потому что ничего больше передать уже не мог.

— Хорошо, — сказал Илья. — Только можно стакан воды? Руки трясутся. Испорчу подпись — придётся переписывать.

Лисицын кивнул нотариусу. Мизгирёв, суетясь, налил воды из графина. Илья выпил её медленно, до дна. Поставил стакан. Взял договор обеими руками.

И разорвал его пополам.

Потом сложил половинки и разорвал ещё раз.

— Ты… — Кривошеев побагровел и потянулся к жезлу.

— Я, Илья Всеволодович Горностаев, — громко и отчётливо произнёс Илья, глядя не на него, а на имперскую печать под портретом, — последний в крови рода Горностаевых, в сороковой день по кончине главы рода, в присутствии имперского нотариуса и под имперской печатью, объявляю родовой карантин согласно Статуту лета тысяча семьсот двенадцатого!

Он полоснул ладонью по острому краю медной чернильницы — неглубоко, но кровь выступила сразу — и прижал ладонь к обрывкам договора.

Несколько секунд ничего не происходило. Кривошеев замер с жезлом наполовину из петли. Лисицын привстал в кресле. Нотариус открыл рот.

А затем имперская печать вспыхнула.

Не засветилась — вспыхнула, ярко, бело, будто в контору ударила молния. Голубая полоса по краю пластины побежала быстрее, сорвалась с рамы и метнулась через комнату прямо к окровавленной ладони Ильи. Кольцо света обхватило его запястье, на мгновение обожгло холодом и погасло, оставив на коже тонкий серебристый узор — круг, внутри которого был горностай.

Кривошеев, по инерции продолжавший движение, схватил Илью за плечо.

И заорал.

Он отдёрнул руку, тряся ею в воздухе, — на ладони вздувался красный волдырь, ровный и круглый, будто он схватился за раскалённую сковороду.

— Не трогайте его! — Мизгирёв вскочил так резко, что опрокинул стул. Его лицо из бледного стало серым. — Ради всего святого, Кривошеев, не трогайте его! Это… это настоящий. Печать приняла.

— Какой ещё карантин? — Лисицын тоже поднялся. Благодушие стекло с него, как вода с жирной тарелки. — Фрол, что это за цирк?

Нотариус уже лихорадочно рылся в шкафу. Выдернул толстый том в потёртом переплёте, раскрыл, зашелестел страницами.

— Статут о родовом карантине… вот… лето тысяча семьсот двенадцатое… Его никто не отменял. Его просто… забыли. — Мизгирёв водил пальцем по строкам, и палец заметно дрожал. — «Последний в крови рода, объявивший карантин в сороковой день по кончине главы, на тридцать дней становится неприкосновенен. Всякий, кто поднимет руку на его жизнь, свободу или имущество, отвечает перед имперской печатью…» Перед печатью, господин Лисицын. Не перед судом. Печать сама взыщет.

Он поднял глаза и, видимо, только сейчас понял, что читает это вслух в присутствии людей барона.

— Но, — нотариус сглотнул и торопливо продолжил, — «…в те же тридцать дней все счета, вклады и казна рода запечатываются, и никакая сделка от имени рода не может быть совершена». Никакая. Ни продажа, ни займ, ни расчёт.

В конторе снова стало тихо.

Илья смотрел на серебристый узор на запястье. Внутри, под кожей, он ощущал что-то новое — тонкую нить, натянутую от него куда-то на север, туда, где за лесом стояло поместье. Нить была слабой, едва заметной. Но она была.

Тридцать дней неприкосновенности. И тридцать дней без единого медяка.

В кармане сюртука у Ильи лежали три серебряных рубля и огрызок карандаша. Больше у последнего Горностаева не было ничего. Счета деда, насколько он теперь помнил, тоже были почти пусты, но даже это «почти» теперь стало недоступно.

— Вы понимаете, что сделали? — тихо спросил Лисицын. Он снова сел. Голос его был ровным, но перстень на мизинце он крутил с такой силой, что палец побелел. — Вы не выиграли. Вы отложили. Через тридцать дней карантин кончится. Счета ваши будут пусты. Долги — нет. И у барона к тому времени будет очень, очень много причин для неудовольствия.

Илья аккуратно собрал со стола обрывки договора, сложил их стопкой и убрал во внутренний карман. Потом обернул порезанную ладонь носовым платком.

— Господин Лисицын, — сказал он вежливо. — Вы знаете, что такое отчётный период?

Управляющий промолчал.

— Это срок, за который компания должна показать, чего она стоит. Обычно — квартал. Иногда месяц. — Илья поднялся. Ноги держали плохо, но держали. — Тридцать дней — это очень много. За тридцать дней можно найти всё, что прятали пятнадцать лет.

Он и сам не знал, почему сказал «пятнадцать». Цифра пришла сама, откуда-то из глубины чужой памяти, вместе с образом деда, который однажды, глубоко за полночь, сидел над какими-то чертежами и повторял: «Не сходится. Пятнадцать лет не сходится».

Но по тому, как дёрнулось лицо Лисицына, Илья понял, что попал.

Он вышел из конторы, не оборачиваясь. Кривошеев отступил в сторону, пропуская его, и в глазах громилы было то, чего там не было пять минут назад. Не уважение, нет. Опаска. Как у собаки, которая только что обожгла нос о то, что считала добычей.

На улице моросило. Верхнеясенск, уездный городок с одной мощёной улицей и тремя кабаками, равнодушно мок под серым октябрьским небом. У коновязи напротив конторы стояла старая телега, запряжённая такой же старой лошадью. На козлах сидел сухой седой старик в армяке, а у колеса лежала лохматая рыжая собака.

Ерофей. Последний слуга рода Горностаевых. Служил ещё прадеду.

Старик увидел барчука, увидел платок на руке, увидел, видимо, что-то в лице — и торопливо слез с козел.

— Илья Всеволодович… Батюшка… Живой. Слава тебе господи, живой. — Он суетливо ощупывал его плечи. — А я уж думал — всё. Как увидел, что этот бугай за вами пошёл… Подписали? Отдали шахту-то?

— Нет, Ерофей. Не отдал.

Старик замер.

— Как же… А они что?

— А они теперь тридцать дней не могут ко мне прикоснуться. — Илья показал запястье с серебристым знаком. — Родовой карантин.

Ерофей долго смотрел на знак. Потом перекрестился и вдруг всхлипнул — по-стариковски, коротко и сердито.

— Всеволод Кириллыч… — пробормотал он. — Он ведь говорил. Говорил, что вы вспомните. Я думал — заговаривается старик перед смертью. А он говорил…

Илья неловко похлопал его по плечу. Внутри него Павел Северцев, человек, никогда не имевший ни слуг, ни родовых знаков, ни мёртвых дедов, чувствовал что-то странное. Не свою, но и не совсем чужую горечь.

— Ерофей, — сказал он. — Деньги есть?

— Откуда, батюшка… — старик развёл руками. — Сорок копеек. Да овёс на неделю. Да в погребе картошка. А счета… вы сами знаете.

— Счета теперь запечатаны. На тридцать дней.

Ерофей охнул.

— Так это… как же жить-то будем?

Илья забрался на телегу. Собака подняла голову, понюхала его ботинок и, подумав, положила морду ему на ногу.

Он посмотрел на север, туда, где за лесом, невидимое отсюда, стояло поместье. Нить на запястье слабо, едва ощутимо пульсировала. Как пульс у больного, который очень долго лежит без сознания.

Павел Северцев не знал ничего о магии, о родовых Алтарях и о том, как сражаться на дуэлях. Зато он точно знал одну вещь: если кто-то готов заплатить триста шестьдесят золотых пошлины за дыру в земле, значит, эта дыра стоит намного больше. А если кто-то пятнадцать лет обхаживал одинокого старика — значит, у старика было что взять.

Осталось только понять — что.

— Поехали домой, Ерофей, — сказал он. — Начнём с инвентаризации.

— С чего, батюшка?

— С ревизии. Посмотрим, что у нас осталось. И, главное, — Илья прищурился, — куда делось всё остальное.

Глава 2. Не сходится

Поместье Горностаевых когда-то было красивым. Это было видно даже сейчас — по линиям, которые время не успело стереть.

Двухэтажный дом с колоннами, выкрашенный когда-то в жёлтый, стоял на холме над излучиной реки. Слева от него поднималась старая каменная башня — гораздо старше дома, грубой кладки, с узкими окнами-бойницами. Справа тянулись хозяйственные постройки. Каретный сарай без кареты. Конюшня, в которой жила одна лошадь. Флигель для прислуги, в котором жил один слуга.

Крыша дома просела над левым крылом. Половина окон была заколочена досками. Колонны облупились до кирпича, а по ступеням крыльца пророс мох.

— Левое крыло-то мы с Всеволод Кириллычем ещё три зимы назад закрыли, — виновато пояснил Ерофей, распрягая лошадь. — Топить нечем. Дров на всё не напасёшься, а эфира в доме давно нет. Жили в кабинете да в кухне.

— Эфира в доме нет? — переспросил Илья.

— Так ведь Алтарь-то… — старик махнул рукой в сторону башни. — Угасает. Лет пятнадцать уже. Сперва помалу, а потом — раз, и почти всё. Всеволод Кириллыч говорил: стареет родовой камень. Бывает, мол, такое. Устаёт.

Илья ничего не ответил. Память настоящего Ильи хранила обрывки: когда ему было лет пять, в доме горели эфирные лампы, грели полы, сама собой кипела вода на кухне. Потом лампы стали гаснуть по одной. Потом — все. Мальчик тогда решил, что так и должно быть. Взрослые не объясняли.

Взрослые, как это часто бывает, сами не понимали.

— Ерофей, — сказал он. — Где дед держал бумаги?

Кабинет Всеволода Горностаева был единственной комнатой в доме, где ещё было по-настоящему тепло. В углу стояла чугунная печка-буржуйка, явно поставленная гораздо позже, чем строился дом, — её труба некрасиво выходила прямо в окно. Ерофей затопил её, поставил на стол чайник и миску варёной картошки с солью, а затем, повинуясь жесту барчука, ушёл, ворча что-то о том, что надо бы хоть поесть сначала.

Илья поел. Медленно, как учили есть в детстве Павла, после долгого голода. Картошка показалась ему лучшим, что он ел за последние двадцать лет.

Рыжая собака, увязавшаяся за ним, легла у печки и закрыла глаза.

Потом он открыл шкафы.

Дед вёл книги. Конечно, вёл — Илья понял это ещё в нотариальной конторе, вспомнив те ночи над чертежами. Но он не ожидал, что их будет столько. Сорок с лишним томов в одинаковых кожаных переплётах, с тиснёными годами на корешках. Самый старый — ещё прадедовский. Самый новый — заполненный наполовину, с пером, оставленным между страницами.

Книга расходов. Книга доходов. Книга Алтаря.

Илья взял именно её — нет, их, целую полку. «Книга Алтаря рода Горностаевых. Замеры и выход».

Он раскрыл первый том.

«Двенадцатое марта. Выход Алтаря за сутки — девятьсот сорок мер. Расход на дом — сто десять мер. На оранжерею — сорок. На защиту периметра — двести. Остаток в накопители — пятьсот девяносто».

Он листал дальше. Ровный, аккуратный почерк, почти без помарок. Дед — а до него прадед — каждое утро спускался в башню и снимал показания. Год за годом, день за днём. Ино-

гда на полях были пометки: «гроза, выход упал», «праздник, гости, расход повышен», «замена кристалла в контуре».

Павел Северцев почувствовал то, что всегда чувствовал, видя по-настоящему хорошо ведённый учёт: почти нежность. Ты можешь врать на совете директоров. Можешь врать акционерам. Но если твой бухгалтер — педант, который записывал всё, — правду рано или поздно найдут.

Он разложил тома на полу в хронологическом порядке, сел рядом, взял огрызок карандаша и лист бумаги.

И начал считать.

Это заняло почти три часа. За окном стемнело, Ерофей дважды заглядывал, приносил свечи и уходил, качая головой. Собака проснулась, сходила проверить двор и вернулась.

Получилась кривая.

Ну как кривая. На листе бумаги, исчёрканном цифрами, лежала ступенька.

Сорок лет Алтарь Горностаевых выдавал от восьмисот пятидесяти до тысячи мер в сутки. Колебания были — по сезонам, по погоде, по возрасту кристаллов в контуре. Но в среднем — около девятисот. Стабильно, надёжно, как сердце здорового человека.

А затем, пятнадцать лет назад, осенью, — обрыв.

Не спад. Не плавное угасание, как бывает у стареющего механизма, у изнашивающегося оборудования, у любой системы, которая устаёт. Обрыв. Двадцать третье сентября — девятьсот двенадцать мер. Двадцать шестое сентября — двести восемь. Через неделю — сто пятнадцать. А потом, год за годом, — от восьмидесяти до ста.

Одна десятая часть. Ровно.

Илья смотрел на этот лист и чувствовал, как в груди медленно разгорается холодный, очень знакомый азарт.

Вещи не ломаются за три дня так, чтобы потом работать ровно на десять процентов мощности пятнадцать лет подряд. Сломанная вещь работает плохо — неровно, со сбоями, хуже и хуже. А эта работала… стабильно. Просто отдавала лишь десятую часть.

Как будто кто-то поставил на трубу тройник. И девять десятых воды текут в другую сторону.

Он открыл том за тот самый год и стал читать пометки за сентябрь.

«Двадцать четвёртое. Буря, молния в башню. Контур повреждён. Выход нулевой».

«Двадцать пятое. Выехал в губернию к Савве по делам займа. Ремонт поручил мастерам, присланным бароном Кручининым по-соседски. Очень любезно с его стороны».

«Двадцать восьмое. Вернулся. Мастера закончили. Алтарь работает, но выход двести с лишним. Мастера говорят — камень надорвался от молнии, теперь будет так. Надо смириться».

И уже другими чернилами, много позже, на полях — неровно, будто рука устала или дрожала:

«Не сходится. Молния бьёт в контур, а не в камень. Камень не может надорваться. Не сходится».

А ещё ниже, совсем свежее, может быть, последних месяцев:

«Пятнадцать лет не сходится. Надо спуститься и посмотреть самому. Колени не держат. Илюшу просить нельзя — опасно. Если они узнают…»

На этом запись обрывалась.

Илья долго сидел неподвижно. Свеча коптила. Собака вздохнула во сне.

Дед знал. Догадывался — по крайней мере, последние годы. Он, может, и не умел считать, как аудитор из другого мира, но он видел ту же ступеньку, что и Илья сейчас. И не мог ничего доказать. Не мог даже спуститься. Не мог позвать внука, потому что боялся за него.

И Илья, настоящий Илья, девятнадцатилетний мальчишка, ничего не заметил.

«Ну что ж, — подумал Павел. — Теперь заметил».

Он взял свечу и пошёл к двери.

— В подвал? Ночью? — Ерофей стоял на пороге кухни, прижимая к груди кочергу. — Илья Всеволодович, да господь с вами. Там же сыро, там ступени гнилые. Завтра бы, при свете…

— При свете там будет так же темно, как сейчас, Ерофей. Это подвал. — Илья отобрал у него кочергу и сунул вместо неё фонарь. — Пойдём. Посветишь.

— А зачем вам туда? Камень спит. Дед ваш говорил…

— Ерофей. Пятнадцать лет назад, когда в башню ударила молния. Ты был здесь?

Старик замялся.

— Был. Всеволод Кириллыч уехал в губернию, а я, значит, при доме остался.

— Ты видел, как работали мастера барона?

— Видел. Ну как видел… Они меня в башню не пустили. Сказали — опасно, эфир бушует, простому человеку там нельзя. Трое их было. Неделю возились. Возили что-то на телеге, под рогожей. Я и не спрашивал — моё ли дело? Барон же по-соседски, по-доброму…

Илья кивнул.

По-соседски. По-доброму. Ровно в тот момент, когда хозяина не было дома.

В башню вела тяжёлая дубовая дверь, окованная железом. На ней ещё сохранился герб — горностай в серебряном круге, точно такой же, как теперь светился на запястье Ильи. Замок открылся с третьего раза и с отвратительным скрежетом.

Внутри пахло мокрым камнем и чем-то ещё — едва ощутимым, острым, как запах воздуха после грозы. Винтовая лестница уходила вниз, в темноту. Ступени были выщерблены посередине: сотни лет люди спускались здесь каждое утро, чтобы снять показания.

На тридцать второй ступеньке Илья почувствовал нить.

Та самая, которая появилась на запястье после карантина. Она натянулась, стала вдруг ощутимой, почти осязаемой. А затем к ней прибавилось что-то ещё. Гул. Не звук — ощущение звука, низкое, на самой границе слышимости, отдающееся где-то в зубах и в солнечном сплетении.

— Чуешь, барин? — шёпотом спросил Ерофей. — Он гудит. Всегда гудел. Всеволод Кириллыч говорил — это он во сне дышит.

Внизу была круглая комната с низким сводчатым потолком. В её центре, на возвышении из трёх ступеней, стоял Алтарь.

Илья ожидал чего-то другого. Чего-то величественного, светящегося, как в кино. Перед ним же был камень. Просто камень — чёрный, гладкий, в человеческий рост, неправильной формы, будто его не вытесали, а нашли таким в земле и бережно поставили сюда. По его поверхности змеились тонкие серебристые линии рун. Большинство из них были тёмными. Лишь несколько, у самого основания, слабо, неровно мерцали.

Вокруг камня на полу шёл широкий металлический круг — контур, понял Илья, вспоминая записи деда. Медь и серебро, вделанные прямо в каменный пол. В контур через равные промежутки были вставлены кристаллы. Восемь штук. Шесть — мутные, мёртвые. Два — тусклые, еле живые.

Илья поднялся по ступеням и, помедлив, положил ладонь на камень.

И его накрыло.

Это было похоже на то, как если бы он всю жизнь смотрел на мир через запотевшее стекло, а теперь кто-то протёр его рукавом. Камень под ладонью был тёплым. Живым. Он не спал — нет. Внутри, глубоко, под чёрной поверхностью, билось огромное, мощное, ровное сердце. Илья чувствовал, как эфир поднимается снизу, из земли, из глубины, тугими толчками, как вода из артезианской скважины. Чувствовал, как он проходит сквозь камень, собирается, уплотняется…

И уходит.

Не в контур. Не в руны. Не в накопители. Почти весь — девять толчков из каждых десяти — эфир проходил через Алтарь и стекал куда-то вниз и в сторону. Тонкой, но невероятно плотной струёй. Будто в днище камня проделали отверстие и подставили под него трубу.

Павел Северцев видел однажды, как выглядит схема вывода денег из компании через фирмы-однодневки. Это выглядело так же. Только вместо денег здесь текла жизнь рода.

— Ерофей, — хрипло сказал он, отнимая руку. — Свети на пол. Вот сюда. За Алтарём.

Старик послушно поднял фонарь.

За камнем, у самой стены, одна из каменных плит пола была чуть темнее остальных. Совсем немного. Её края были слишком ровными, а щели между ней и соседними плитами — забиты свежим, по сравнению с древней кладкой, раствором.

Пятнадцатилетним раствором.

Илья взял кочергу, вставил её в щель и навалился. Ничего. Ещё раз. Раствор крошился, но плита не шла.

— Дай-ка, батюшка, — Ерофей, кряхтя, отставил фонарь и взялся за кочергу вместе с ним. Вдвоём они нажали, и плита, наконец, со скрипом приподнялась на ладонь, потом ещё. Илья сунул под неё полено, которое предусмотрительный старик зачем-то прихватил с собой.

Под плитой была дыра. А в дыре — кабель.

Другого слова Илья подобрать не мог. Толщиной в палец, чёрно-серебристый, матовый, будто сплетённый из множества очень тонких металлических нитей, он выходил прямо из основания Алтаря. Не был к нему прикреплён — врос в камень, как корень растения врастает в трещину. Вокруг места, где он входил в Алтарь, чёрная поверхность камня была покрыта сетью мелких серых прожилок — словно кожа вокруг старой, плохо зажившей раны.

Кабель уходил вниз, в узкий лаз, и тянулся куда-то в темноту.

От него исходил тот самый гул. Только здесь, вблизи, он был сильнее — и в нём было что-то неприятное, сосущее. Как у пиявки.

Илья опустился на колени и, не прикасаясь, провёл рукой над кабелем. Эфир внутри него шёл плотно, без остановки, без пауз. Шёл туда — на юг.

— Куда ведёт этот лаз, Ерофей?

Старик смотрел в дыру с суеверным ужасом. Губы у него шевелились.

— Это… Это старый сток. Дренаж, ещё при прапрадеде копали, чтобы башню не подтапливало. Он под землёй идёт к оврагу, а оттуда… а оттуда к старой шахте. К «Глухой».

— А от «Глухой»?

— А от «Глухой» уже кручининские земли начинаются. — Ерофей сглотнул. — Там, за лесом, верстах в трёх, — их усадьба. Белый дом. Говорят, у них зимой цветы в оранжереях круглый год цветут. И свет во всех окнах по ночам. И фонтан на эфире работает — такого нет даже у губернатора. Все удивлялись: откуда у барона, у которого и Алтарь-то слабенький, столько силы…

Он осёкся. Посмотрел на кабель. На Илью. Снова на кабель.

И Илья увидел, как до старика доходит.

— Господи… — прошептал Ерофей. — Господи боже ты мой. Это они… Пятнадцать лет… А Всеволод Кириллыч мёрз. Зимами в одном кабинете сидел. Говорил — не надо дров покупать, перебьёмся, деньги на учёбу Илюше нужны. А они… у них фонтан…

Он тяжело опустился на ступени Алтаря и закрыл лицо руками.

Илья не стал его утешать. Он сидел на корточках над дырой в полу и считал.

Девятьсот мер в сутки — средний выход Алтаря. Девять десятых уходило барону. Восемьсот десять мер в сутки. Двести девяносто пять тысяч мер в год. Пятнадцать лет…

Цифры складывались в голове, как костяшки на счётах. Он ещё не знал, сколько стоит одна мера на рынке. Не знал, по какому курсу её покупает казна. Но уже понимал: речь шла не о сотнях золотых. И даже не о тысячах.

Всё сходилось. Двадцать шесть тысяч долга гильдии — купленного, наверняка, по дешёвке и подсунутого деду в момент нужды. Нотариальная пошлина от восемнадцати тысяч. Пункт девятый — о жилах «на всём их протяжении». Если бы Илья сегодня подписал договор, этот кабель стал бы законным. Барон получил бы права на всё, что течёт под землёй от Алтаря до шахты, — и никакой суд не нашёл бы в этом нарушения. Пятнадцатилетнее воровство превратилось бы в честную сделку.

А через полгода, когда Илья не смог бы заплатить долг, барон забрал бы и сам Алтарь.

Красиво. Профессионально. Почти восхищения достойно.

«Почти», — повторил про себя Павел.

Первым его желанием было взять кочергу и перерубить эту дрянь прямо сейчас. Он даже потянулся за ней. И остановился.

Потому что посмотрел на серые прожилки вокруг места, где кабель врастал в камень. И вспомнил кое-что из записей деда. «Замена кристалла в контуре. Отключал контур резко — откат ударил в камень, два дня Алтарь не работал. Впредь — только через снижение».

Откат.

Восемьсот мер в сутки текли через этот кабель пятнадцать лет. Поток, который за это время стал привычным, как русло для реки. Если его перерубить, вся эта сила в одно мгновение ударит обратно — в Алтарь, который давно отвык её держать. В камень с плохо зажившей раной.

В лучшем случае Алтарь треснет. В худшем — взорвётся. Вместе с башней, подвалом и всеми, кто в нём находится.

А барон, разумеется, тут же почувствует, что его кормушка перестала работать.

Илья медленно убрал руку от кочерги.

Нет. Просто резать нельзя. Нельзя рубить схему, пока не понимаешь её до конца. Это правило он выучил ещё стажёром, когда по неопытности закрыл один подозрительный счёт и вызвал каскадный дефолт в трёх дочерних компаниях.

Он снова наклонился над дырой и пригляделся внимательнее.

На кабеле, примерно в локте от места, где он входил в камень, было утолщение. Небольшой цилиндр из тёмного металла, по поверхности которого бежала гравировка — несколько рун, сложенных в круг. В центре круга — стрелка.

Илья не знал этих рун. Но он узнавал устройство. Он видел такие десятки раз — на схемах водопровода, на чертежах электросетей, в любой системе, где что-то куда-то течёт.

Клапан.

Односторонний клапан. Он пропускает эфир только в одну сторону — от Алтаря к барону. И, судя по стрелке, его можно повернуть.

Илья медленно выпрямился. Колени затекли, руки были в грязи, свечной воск капал на рукав. Где-то внизу, в недрах земли, мощно и ровно билось сердце его рода. Билось — и отдавало девять ударов из десяти чужому дому, где зимой цвели цветы и светились окна.

— Ерофей, — сказал он. — Вставай. Нам нужны все книги деда о контуре. Всё, что он записывал о рунах, о кристаллах, о том, как работает камень. И бумага. Много бумаги.

Старик поднял на него заплаканное лицо.

— Что вы задумали, батюшка?

Илья посмотрел на клапан. На стрелку, которая пятнадцать лет указывала на юг.

— Я думаю, Ерофей, — медленно сказал он, — что барон Кручинин очень долго пользовался нашим кошельком. И мне кажется, пора бы ему узнать, каково это — когда твой кошелёк открыт с другой стороны.

Глава 3. Обратная тяга

К рассвету на полу кабинета не осталось свободного места.

Илья разложил там всё, что дед когда-либо записывал о контуре. Схемы рун, начерченные прадедом. Заметки на полях о замене кристаллов. Тетрадь с выписками из учебника по эфирной механике — потрёпанного, издания шестидесятилетней давности, но вполне понятного, если читать его так, как Павел Северцев когда-то читал инструкции к незнакомым бухгалтерским программам: не пытаясь понять всё, а только то, что нужно прямо сейчас.

Выяснилось, что магия, по крайней мере родовая, устроена до обидного просто. Почти как электричество в старом доме.

Алтарь — это генератор. Он берёт эфир из глубинной жилы и выдаёт его наверх. Контур — это щиток с предохранителями. Кристаллы в контуре — это аккумуляторы, накопители, в которые уходит излишек. Руны — это провода и выключатели, распределяющие энергию по дому, по защите, по полям. А сам эфир — ток. Его можно измерить. Его можно передать. Его можно продать — казна покупает эфир у родов по твёрдой цене, а купцы перепродают его в заряженных накопителях тем, у кого своего Алтаря нет.

И его, как выяснилось, можно украсть.

Кабель барона был сделан грамотно. Илья нашёл в учебнике похожую конструкцию — она называлась «отводной жилой» и применялась, когда один Алтарь питал несколько поместий одного рода. Совершенно законная вещь. Если стоит с согласия владельца.

А клапан на кабеле был «направляющим узлом». В учебнике про него было полстраницы. Направляющий узел задаёт, куда течёт эфир по отводной жиле: от главного Алтаря к потребителю или — в редких случаях, когда потребителю нужно вернуть излишек, — обратно.

Обратно.

Илья перечитал этот абзац раз пять.

Отводная жила соединяла Алтарь Горностаевых с сетью Кручининых. Напрямую. Пятнадцать лет эфир тёк по ней на юг. Но если повернуть клапан, то кабель, по законам этой странной физики, начнёт работать в обратную сторону. Не просто перестанет отдавать. Начнёт тянуть. Из всего, что к нему подключено на том конце. Из накопителей барона. Из его защитного периметра. Из его фонтана, оранжерей и ламп во всех окнах.

Это был уже не просто способ перекрыть кран. Это был насос.

Оставалась проблема отката. Илья помнил запись деда: «Впредь — только через снижение». Резко менять направление потока нельзя. Нужно плавно: сначала уменьшить отдачу до нуля, потом медленно, ступенька за ступенькой, раскрутить в обратную сторону.

И нужно было куда-то девать то, что придёт. Алтарь, ослабленный пятнадцатью годами раны, не выдержит, если в него разом хлынет весь запас чужой сети. Значит, нужен буфер.

Илья посмотрел на схему контура. Восемь кристаллов-накопителей. Шесть — мёртвые, выработанные досуха. Пустые.

Павел Северцев улыбнулся.

Первое правило любой схемы, которая перемещает ценности: прежде чем открывать поток, подготовь, куда он придёт. Иначе деньги просто разольются по полу.

Шесть пустых аккумуляторов. Шесть пустых счетов, на которые можно принять перевод.

День ушёл на подготовку.

Ерофей, отплакав своё ночью, утром стал другим человеком. Молча, без вопросов, он делал всё, что просил барчук: таскал из кладовой медную проволоку, оставшуюся ещё от прадедовских ремонтов, грел на буржуйке канифоль, держал фонарь. Только иногда, глядя на кабель в дыре, сжимал губы так, что белели.

К полудню они вытащили из контура шесть мёртвых кристаллов, протёрли их от многолетней пыли и вставили обратно — но уже по-другому, цепочкой, так, чтобы поток от клапана сначала шёл в них, а уже потом, отфильтрованный, — в сам Алтарь. Илья трижды перепроверил схему по книге. Потом ещё раз — по записям деда. Потом снова по книге.

Самым трудным был сам клапан.

Повернуть его рукой было нельзя: рунный круг держал положение, и обычное усилие на него не действовало. Илья долго ломал голову, пока не нашёл в дедовской тетради выписку о «ключе крови». Узлы, установленные на родовом Алтаре, подчиняются крови рода. Любые. Даже чужие. Просто потому что стоят на его камне.

Карантинная метка на запястье теплела каждый раз, когда он подходил к Алтарю. Камень его узнавал.

К трём часам дня Илья соорудил то, что в другом мире назвал бы рубильником. Длинный медный рычаг на шарнире, закреплённый на стене подвала, от которого вниз, к клапану, шла проволока, обвитая вокруг рунного кольца. Над рычагом он процарапал на камне шкалу. Верхняя отметка — «юг». Нижняя — «север». Посредине — «ноль». И ещё по пять делений в каждую сторону.

Сейчас рычаг стоял почти в крайнем верхнем положении. Девять делений на юг.

Илья порезал палец, мазнул кровью по рукоятке — метка на запястье тут же отозвалась теплом — и очень медленно потянул рычаг вниз.

На одно деление.

Гул в подвале изменился. Стал чуть тише, чуть мягче. Илья положил ладонь на Алтарь и почувствовал, как внутри камня что-то шевельнулось — будто человек, долго лежавший со сдавленной грудью, вдруг смог вдохнуть чуть глубже.

Он подождал минуту. Потом опустил рычаг ещё на одно деление.

И ещё.

К четырём часам рычаг стоял на «нуле».

Кабель в дыре больше не гудел. Он молчал — мёртвая чёрная жила, по которой ничего не текло. А Алтарь…

Алтарь светился.

Не весь. Пока ещё только нижняя треть. Но руны у основания, которые ночью едва мерцали, теперь горели ровным серебристым светом. Два живых кристалла в контуре налились голубым. По стенам подвала побежали блики.

Ерофей стоял у лестницы и крестился, беззвучно шевеля губами.

Илья смотрел на свет и думал о том, что где-то в трёх верстах к югу, в белом доме с фонтаном, прямо сейчас, наверное, что-то пошло не так. Свет в окнах мигнул. Фонтан, может быть, захлебнулся. Накопители, привыкшие к ровному притоку, начали медленно садиться.

И барон Гордей Кручинин, впервые за пятнадцать лет, должен был задать себе вопрос: что случилось?

Ответ он найдёт быстро. Илья в этом не сомневался.

Он не стал трогать рычаг дальше. Не сейчас. Первые деления «на север» — это уже не просто остановка воровства. Это ответный удар. А ответные удары, как известно любому, кто хоть раз участвовал в корпоративной войне, наносят тогда, когда противник уже сделал свой ход и раскрылся.

— Ерофей, — сказал он. — Иди наверх. Свари что-нибудь. И смотри на дорогу.

— На дорогу, батюшка?

— На южную дорогу. К вечеру у нас будут гости.

Гости приехали в сумерках.

Илья услышал их раньше, чем увидел. Сначала залаяла рыжая собака — зло, хрипло, совсем не так, как лаяла на ворон. Потом застучали копыта. Много копыт. Потом заскрипели ворота, которые никто не запирал, потому что запирать их было давно незачем.

Он поднялся из подвала, встал у бойницы башни и посмотрел вниз.

Пятеро всадников въезжали во двор. Впереди — Кривошеев, с перевязанной правой рукой. Рядом с ним — тощий человек в длинном сером плаще с вышитыми на плечах знаками. Маг. Не армейский артефактчик, как остальные, а настоящий маг — у него не было жезла, зато на груди висел крупный амулет, в котором ровно светился зелёный кристалл. Ещё трое — молчаливые, в одинаковых кожаных куртках с нашивками в виде чёрной кручининской кабаньей головы, с боевыми жезлами наготове.

Боевая пятёрка. Полный состав.

Но не это заставило Илью нахмуриться. На каждом из пятерых, поверх курток, слабо мерцало голубоватое поле — защитные барьеры. Причём не от отдельных амулетов. Илья, который за последние сутки, кажется, научился чувствовать эфир, ясно видел: от каждого барьера тянулась тонкая, почти невидимая нить. Куда-то на юг. Туда, где стоял белый дом.

Личная защита бойцов питалась от сети барона. Удобно. Не надо заряжать каждый амулет отдельно. Просто подключаешь их к своему источнику — и бойцы неуязвимы, пока работает поместье.

Пока работает поместье.

Илья очень медленно выдохнул.

Во дворе Ерофей вышел навстречу всадникам. В руках у старика была кочерга. Он стоял, расставив ноги, перед крыльцом, маленький и седой, и Илья вдруг почувствовал к нему что-то очень похожее на любовь.

— Где щенок? — рявкнул Кривошеев.

— Барин отдыхают, — твёрдо ответил Ерофей. — Не принимают.

Маг в сером плаще поднял руку. Кривошеев, начавший было спешиваться, замер.

— Не трогай старика, — сказал маг негромко, но так, что его голос долетел до башни. — Он не под карантином, но нам не нужен лишний шум. Илья Всеволодович! — Он поднял голову и посмотрел прямо на бойницу. Без ошибки, будто видел сквозь камень. — Я знаю, что вы там. Спуститесь, пожалуйста. Нам нужно поговорить.

Илья спустился. Не во двор — на первую площадку башни, туда, где широкое окно выходило прямо на двор, и где его можно было видеть, но нельзя было достать, не войдя в дверь. Дверь он заранее запер изнутри на засов.

— Я слушаю, — сказал он.

— Меня зовут Семён Аркадьевич Волжин, — маг слегка поклонился. — Я командую гвардией его милости барона Кручинина. Хочу сразу сказать: я уважаю то, что вы сделали вчера в конторе. Красиво. Неожиданно. Старый закон, о котором никто не помнит. Ваш дед был бы горд.

— Спасибо, — сказал Илья. — Что-то ещё?

Волжин улыбнулся. Улыбка у него была неприятная — вежливая и совсем пустая.

— Есть одна маленькая сложность. Карантин защищает вас от посягательств. Но не от закона. — Он вытащил из-за пазухи свёрнутую бумагу с печатью. — Это предписание уездного судьи. Верхнеясенская купеческая гильдия подала прошение о проверке законности объявленного вами карантина. Есть сомнения, понимаете ли, что вы действительно последний в крови. Ходят слухи о… внебрачных детях вашего деда. — Он развёл руками. — Глупость, конечно. Но судья обязан проверить. А до окончания проверки вы должны находиться под стражей. Я уполномочен вас доставить.

— Под стражей у барона Кручинина?

— В уезде нет другой подходящей тюрьмы. — Волжин снова улыбнулся. — Проверка займёт около месяца. Может быть, чуть больше.

Красиво, снова отметил Павел. Тридцать дней карантина он проведёт в подвале у барона. А когда карантин кончится, никакой проверки уже не понадобится. Печать не накажет за исполнение судебного предписания — это не посягательство, это закон. А вот что случится с ним в подвале, проверять уже никто не будет.

— Я вижу, — сказал Илья, — что у барона прекрасные отношения с уездным судьёй.

— У барона прекрасные отношения со всеми, — согласился Волжин. — Почти со всеми. Кроме тех, кто трогает его вещи. — Голос его не изменился, но что-то в нём стало жёстче. — Сегодня днём, Илья Всеволодович, в усадьбе его милости погас свет. Остановился фонтан. Защитный периметр ослаб на треть. Барон очень расстроен. Он не понимает, что произошло. Но он почему-то уверен, что вы понимаете.

— Может быть, — сказал Илья, — у барона просто сломался генератор. Бывает. Камни устают. Мне так говорили.

Кривошеев, слушавший разговор снизу, зарычал и вскинул жезл.

— Хватит! Семён Аркадьич, ну что вы с ним, ей-богу! Предписание есть — значит, вяжем. Ломаем дверь, и всё!

Волжин помолчал. Посмотрел на Илью долгим взглядом.

— Он прав, — сказал он наконец. — Предписание есть. Дверь вашу мы сломаем за минуту, вы это понимаете. Выйдите сами, и вам не причинят вреда. Даю слово.

Илья кивнул, словно обдумывая.

А затем повернулся и пошёл вниз. По винтовой лестнице. В подвал.

— Куда?! — заорал снизу Кривошеев. — Ломай!

Удар в дверь отдался в стенах башни. Потом ещё один. Дубовые доски заскрипели, но окованная железом дверь пока держалась. Прадед строил на века.

Илья спустился в круглую комнату. Алтарь светился ровным серебром — уже до половины. Шесть кристаллов-буферов в контуре ждали, пустые и прозрачные.

Он подошёл к стене. Положил ладонь на медную рукоятку рычага. Метка на запястье вспыхнула теплом.

Наверху, во дворе, удары в дверь вдруг прекратились. Илья услышал голос Волжина — громкий, резкий, впервые утративший вежливость:

— Стой! Всем стоять! Кривошеев, назад от двери!

Маг почувствовал. Ну конечно. Он стоял во дворе, связанный с сетью своего барона, и он почувствовал, как в подвале башни что-то пришло в движение. Как натянулась отводная жила, молчавшая с полудня.

— Илья Всеволодович! — крикнул Волжин, и в его голосе было что-то новое. Не угроза. Почти испуг. — Что вы делаете?

Илья поднялся на несколько ступенек, чтобы его было слышно, но рычаг не отпустил — проволока позволяла.

— Семён Аркадьевич, — сказал он громко и спокойно. — Вы ведь маг. Вы понимаете в эфире больше меня. Скажите: от чего питаются барьеры ваших людей?

Тишина во дворе.

— От сети вашего барона, правда? — продолжил Илья. — Очень удобно. А сеть вашего барона пятнадцать лет питалась от моего Алтаря. Через жилу, которая лежит у меня под полом. Через клапан, который ваши мастера поставили, пока деда не было дома. — Он помолчал. — Сегодня днём я этот клапан закрыл. И да, Семён Аркадьевич. Это я погасил свет в усадьбе.

— Вы не понимаете, с чем играете, — голос мага стал тихим, почти шипящим. — Если вы откроете обратный ток…

— То всё, что подключено к сети барона, начнёт работать на меня. — Илья кивнул сам себе. — Включая ваши барьеры. Да, я примерно так и понял.

Он потянул рычаг.

Одно деление. «Север».

Земля под ногами загудела.

Не гул Алтаря — другой. Низкий, тяжёлый, идущий откуда-то снизу и с юга, будто под землёй, по старому дренажному лазу, по жиле, по всем трём верстам до белого дома, проснулось что-то огромное и повернуло голову. Пыль посыпалась со свода. Шесть кристаллов в контуре один за другим вспыхнули бледно-голубым.

Во дворе закричали.

Илья поднялся ещё на несколько ступенек и посмотрел в бойницу.

Пятеро стояли посреди двора. Барьеры на них больше не мерцали ровно. Они трещали. Голубые поля шли рябью, искрили, сжимались, будто кто-то тянул их изнутри. Один из бойцов, совсем молодой, в ужасе срывал с себя куртку, на которой дымилась нашивка-амулет. Лошади ржали и рвались с привязи. Кривошеев стоял, раскрыв рот, глядя на свой жезл, — камень в навершии мигал, как испорченный фонарь.

А далеко на юге, над лесом, где ещё минуту назад в сумерках ровно светилось зарево кручининской усадьбы, — свет дрогнул. И начал медленно тускнеть.

Волжин стоял неподвижно. Зелёный кристалл на его груди горел ярко — видимо, у мага, в отличие от бойцов, был свой собственный источник. Он медленно поднял голову и посмотрел прямо на бойницу.

— Остановите это, — сказал он ровно. — Пока не поздно. Вы обрушите сеть. Там люди. Там прислуга, дети прислуги…

— Там, — сказал Илья, — фонтан, оранжерея и свет во всех окнах. А здесь пятнадцать лет мёрз старик, который учил меня законам. — Он помолчал. — Никто в вашем доме не умрёт, Семён Аркадьевич. Я не убийца. Я просто возвращаю своё.

Он посмотрел на рычаг. На шкалу, которую сам процарапал на камне. Одно деление из пяти.

Во дворе снова закричали — кто-то из бойцов, у которого барьер, видимо, схлопнулся окончательно.

— Предписание, которое у вас за пазухой, — сказал Илья, — подписано судьёй, который получает от барона жалованье. Я это докажу. Не сегодня, но докажу. А пока — разворачивайте лошадей и уезжайте. И передайте его милости барону Кручинину: я выставлю ему счёт. За пятнадцать лет. С процентами.

Волжин долго молчал. Земля продолжала гудеть. Свет на юге мерк.

— А если мы не уедем? — спросил наконец маг. Очень тихо.

Илья положил ладонь на рукоять рычага поудобнее.

— Тогда, Семён Аркадьевич, — сказал он, — посмотрим, что будет на втором делении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Глава 4. Счёт за утилизацию

Волжин думал долго. Секунд десять — для человека, у которого под ногами гудит земля, это целая вечность.

Решил за него Кривошеев.

— Да он блефует! — заорал громила и вскинул жезл. Камень в навершии мигал, но ещё держал заряд. — Сейчас я эту бойницу…

Огненный сгусток сорвался с жезла, ударил в каменную кладку рядом с окном и рассыпался искрами. Башня даже не вздрогнула. Прадед строил на века.

Илья опустил рычаг на второе деление.

Гул под землёй превратился в рёв. Шесть кристаллов в контуре вспыхнули разом, так ярко, что подвал на мгновение стал белым. Алтарь за спиной Ильи загорелся до двух третей — руны побежали вверх по чёрному камню, как вода по трещинам.

А во дворе всё, что было связано с сетью барона, умерло.

Илья видел это в бойницу. Барьеры на бойцах не схлопнулись — они вывернулись наизнанку. Голубые поля дёрнулись, сжались в точку и ушли в землю, утянув за собой весь заряд. Нашивки-амулеты на куртках вспыхнули и обуглились. Боевые жезлы, которые тоже, как оказалось, подпитывались от поместья, один за другим выплюнули облачка вонючего дыма. Камень в навершии жезла Кривошеева лопнул с сухим щелчком, и громила взвыл — осколки посекли ему здоровую руку.

Лошади сорвались с привязи и понеслись к воротам. Трое бойцов, бросив мёртвое оружие, побежали следом.

На ногах во дворе остались двое. Кривошеев, тупо глядевший на обрубок жезла в окровавленной ладони. И Волжин.

У мага была своя защита. Зелёный кристалл на груди горел ровно. Он не испугался — Илья видел это по его лицу. Он считал. Точно так же, как Илья считал сутки назад над дедовыми книгами.

И досчитал.

Волжин опустился на одно колено, прижал ладони к земле и что-то быстро, нараспев заговорил. От его рук в землю ушли зелёные нити — тонкие, хищные, они нырнули в глубину и пошли под двором к башне. Илья почувствовал их почти сразу: маг искал жилу. Хотел дотянуться до кабеля снаружи и перерубить его. Пусть даже ценой отката, пусть даже ценой взорванной башни.

Холодный, профессиональный расчёт. Если нельзя забрать актив — уничтожь его, чтобы он не достался конкуренту.

Илья не знал ни одного заклинания. Но он знал, как работает его насос. Насос тянет всё, что к нему подключено.

Зелёные нити нашли жилу. Илья почувствовал этот момент — словно кто-то коснулся провода мокрой рукой. Волжин подключился к кабелю, чтобы его разорвать.

И кабель потянул.

Маг закричал. Зелёный кристалл на его груди замигал, потускнел, пошёл трещинами. Волжин пытался оторвать руки от земли, но его нити, уже вросшие в поток, держали крепче цепей. Обратная тяга выпивала его — не жизнь, нет, только эфир, только накопленный запас, — но выпивала досуха, быстро, жадно, как пятнадцать лет выпивали Алтарь Горностаевых.

Илья дёрнул рычаг вверх. На первое деление. Потом на «ноль».

Рёв под землёй стих. Зелёные нити, лишившись тяги, лопнули. Волжин качнулся и рухнул лицом в грязь. Кристалл на его груди погас — мутный, мёртвый, как шесть кристаллов в контуре сутки назад.

Кривошеев посмотрел на командира. Потом на башню. Потом, очень медленно, попятился к воротам.

— Стоять, — сказал ему из-за угла Ерофей.

Старик подошёл неслышно, с кочергой наперевес. Громила с двумя изувеченными руками и кочерга в руках семидесятилетнего слуги — противостояние вышло неравным, но совсем не в ту сторону, в какую можно было подумать. Кривошеев остановился.

Через четверть часа Волжин сидел в кресле в кабинете Всеволода Горностаева, связанный по рукам и ногам бельевой верёвкой, и смотрел на Илью мутными глазами. Мага трясло — эфирное истощение, объяснил Ерофей, который в молодости служил денщиком у боевого офицера и кое-что в этом понимал. Пройдёт к утру. Если не дать ему отдохнуть и поесть — дня через три.

Кривошеева заперли в дровяном сарае.

— Вы понимаете, — тихо сказал Волжин, — что это похищение? Я исполнял судебное предписание.

— Вот об этом, — Илья развернул бумагу, которую вынул у него из-за пазухи, — давайте поговорим.

Он положил предписание на стол и разгладил ладонью.

— Статут о карантине, пункт четвёртый. «Всякий, кто будет застигнут при посягательстве на жизнь, свободу или имущество объявившего карантин, может быть задержан им до прибытия имперских властей». Ваш человек выстрелил огнём в мою башню. Это посягательство на имущество. Вы пытались разорвать жилу, подключённую к моему Алтарю. Это тоже посягательство на имущество. Я вас задержал. Всё по закону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.